

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ / BIBLIOGRAPHY. REVIEWS

РЕЦЕНЗИИ / REVIEWS

I. Mel'čuk, J. Milićević. Introduction à la linguistique. Paris: Hermann, 2014. 3 vol. 378 + 286 + 392 p. ISBN 978-27-0568-058-9, 978-27-0568-170-8, 978-27-0568-171-5.

А. Ч. Пиперски

Alexander Piperski

ШАГИ РАНХиГС, Москва, 119571, Россия; Российский государственный гуманитарный университет, Москва, 125993, Россия
apiperski@gmail.com

RANEPА, Moscow, 119571, Russia; Russian State University for the Humanities, Moscow, 125993, Russia
apiperski@gmail.com

Книга Игоря Мельчука и Ясмینی Миличевич «Введение в лингвистику» — это обстоятельное и систематичное изложение взглядов авторов на язык сквозь призму модели «Смысл ↔ Текст» (МСТ). Во введении авторы честно признают, что другие теории в их пособии не рассматриваются (т. 1, с. V) и только упоминаются в кратких библиографических обзорах, которые сопровождают каждую главу. Это полностью соответствует традициям МСТ (ср. [Мельчук 1974: 7]: «В основном корпусе книги автор стремился избежать пересказа чужих мнений, цитат, полемики и т. п.»), но может удивить неподготовленного читателя, который посмотрит не на имена авторов, а на заглавие и будет ожидать от книги под названием «Введение в лингвистику» изложения не одной конкретной теории, а более или менее принятых интерпретаций языковых фактов, принадлежащих разным лингвистам.

Книга состоит из трех томов, которые в свою очередь членятся на четыре книги («livres»), не совпадающие с томами: первый том включает в себя первую книгу, второй — вторую, а третий — третью и четвертую. Такой дуализм структуры несколько затрудняет цитирование книги, но, конечно, он вполне привычен читателям других работ И. Мельчука, в частности «Курса общей морфологии» [Mel'čuk 1993—2000; Мельчук 1997—2006]. Тематика книг соответствует разделам лингвистики в том порядке, в каком они рассматриваются в МСТ в направлении «от смысла к тексту» — от семантики до фонологии.

Книга открывается введением, в котором авторы рассуждают о месте своей книги среди других аналогичных трудов: они сразу подчеркивают, что эта книга сложнее, чем обычный учебник для начинающих, и предлагают рассматривать ее как элементарное введение для читателей продвинутого уровня (*introduction élémentaire d'un niveau avancé*; т. 1, с. V). С ними трудно не согласиться: это совсем не легкое чтение и не учебник для первокурсников.

Вводная часть, которая носит название «Язык и лингвистика», посвящена общим свойствам человеческого языка и науки, изучающей его. Здесь излагаются основы семиотики, кратко говорится о языковом разнообразии мира и вводится уровневая структура МСТ (т. 1, с. 72—77). В соответствии с ней и строится все дальнейшее изложение.

Книга I посвящена семантике. В ней подробно описано устройство семантических и глубинно-синтаксических представлений в МСТ, а также правила перехода между ними. Разумеется, излагается и теория лексических функций как важная часть МСТ. Отдельные главы посвящены устройству толково-комбинаторного словаря, а также роли фразеологии в языке и в словаре.

Книга II, полностью занимающая второй том, посвящена синтаксису. В библиографии ко введению авторы с легкой издевкой перечисляют пособия по «мейнстримному» синтаксису,

включая туда и формальные, и функциональные направления («la syntaxe “mainstream”», т. 2, с. 11), а в дальнейшем излагают свою синтаксическую теорию. В книге рассматривается ряд важных понятий синтаксиса: синтаксическая зависимость, части речи, валентность, порядок слов, согласование и управление — каждому понятию отводится по главе. Специальная глава (II.6) посвящена описанию интересных синтаксических явлений: инкорпорации, клефта, прономинализации, эллипсиса и т. д. Разумеется, важную часть книги составляют главы об устройстве синтаксических представлений, а также о синтаксических правилах перехода между уровнями.

Третий том включает в себя две книги — третью и четвертую. Предметом книги III является морфология. Как сообщают авторы, эта книга базируется на «Курсе общей морфологии» [Mel'čuk 1993—2000; Мельчук 1997—2006] (т. 2, с. 13). Отдельные главы этой книги посвящены морфологическим представлениям и правилам, понятию словоформы, словоизменению и словообразованию, морфологическим значениям, морфологическим средствам, синтактике морфологических единиц, а также типам морфем и их свойствам.

Книга IV затрагивает проблемы фонетики и фонологии. Она делится на две главы. В первой вводятся основные понятия сегментной и супraseгментной фонетики, а также дается артикуляционная классификация звуков. Во второй главе речь идет об уровнях представления в фонологии и описывается устройство фонологических правил.

Каждый из томов в конце имеет полный перечень введенных определений и основных теоретических принципов, а также упражнения и ответы к ним. Упражнения в томах 1 и 2 достаточно специфичны для МСТ, а вот упражнения в томе 3, посвященные морфологии и фонетике, в принципе могут быть использованы в преподавании даже в тех курсах, которые не требуют знакомства с МСТ: большинство из них напоминает традиционные упражнения по введению в языкознание или самодостаточные лингвистические задачи. Каждый том завершается предметно-именным указателем и указателем языков. Кроме того, третий том включает в себя два приложения: перечень математических и логических понятий, значимых для лингвистики, а также краткий справочник по генеалогической классификации языков. Этот справочник ценен тем, что его приятно и познавательно читать. Это не просто шаблонный список-перечисление: авторы в свободной форме сообщают краткие сведения о том, насколько хорошо изучена та или иная семья и группа, живы или близки к вымиранию входящие в нее языки и т. п. А, например, про чимакумскую семью языков сообщается, что она включает в себя два языка, в одном из которых нет носовых согласных (т. 3, с. 320).

Авторы порой приводят непривычные трактовки языкового материала — разумеется, обосновывая их. К примеру, они отказывают сербскому языку в существовании локатива: это доказывается тем, что в современном языке локатив всегда совпадает с дативом, отличаясь от последнего лишь акцентуацией некоторых слов в некоторых диалектах (т. 1, с. 91—92). Такую смелость можно только поприветствовать, поскольку она наводит читателя на размышления о приемлемости традиционных решений, которые при некритическом взгляде кажутся незыблемыми.

В краткой рецензии на такую книгу едва ли имеет смысл критиковать или хвалить теорию, лежащую в ее основе: всякий лингвист, выросший в русской традиции, неизбежно знаком с МСТ и имеет о ней свое мнение. Поэтому мы ограничимся тем, что отметим некоторые недостатки, не затрагивающие теоретических основ книги.

Как и прочие труды И. Мельчука, книга изобилует графическими средствами выделения: мы находим и малые прописные, и шрифт без засечек, и разнообразные другие приемы. Не все они одинаково удачны: в частности, формальные определения маркируются двумя чертами слева и уменьшенным размером шрифта, который явно противоречит той важной роли, которую такие определения играют в МСТ.

Разумеется, в книге с таким большим охватом материала не может не быть непоследовательностей и мелких ошибок в языковых примерах. Так, не принято единого решения о том, какую орфографию использовать для немецкого языка (в т. 2 на с. 182 находим союз

daβ ‘что’, записанный по старым правилам с *β*, а в т. 3 на с. 26 — слово *Grossbuchstabe* ‘заглавная буква’ с заменой *β* на *ss* вопреки и старой, и новой орфографии). В т. 3 на с. 125 приводятся неверные формы санскритских глаголов: **budhati* ‘бодрствует; понимает, учит’ вместо *bodhati* и **pracchati* ‘спрашивает’ вместо *prcchati*.

К сожалению, многие новые идеи, распространившиеся в лингвистике последнего времени, не получили внимания в книге, уступив место традиционным представлениям. Так, морфологическая типология языков сводится к традиционному противопоставлению «изолирующие ~ агглютинативные ~ фузионные ~ полисинтетические». При этом основным источником, по которому проводится разграничение агглютинативных и фузионных языков, является «Введение в языковедение» А. А. Реформатского [Реформатский 1960: 220—221] (т. 3, с. 220). Однако классификация А. А. Реформатского страдает сильным уклоном в сторону тюркских языков; кроме того, сама правомерность выделения таких языковых типов находится под сильным сомнением в свете недавних исследований М. Хаспельмата [Haspelmath 2009], о которых, однако, в рецензируемой книге не упоминается.

Несколько огорчает объем и содержание книги IV. Впрочем, это вполне соответствует традициям МСТ, в которой фонетика и фонология рассматриваются как неприятное обременение, которое идет в нагрузку к остальным, более увлекательным разделам лингвистики. Книга IV имеет наименьший объем (всего лишь 50 страниц — примерно вчетверо-впятеро меньше, чем каждая из книг I—III) и почти не содержит оригинальных авторских идей. Переход от фонологического представления к фонетическому предлагается осуществлять с помощью правил в духе классической деривационной модели Н. Хомского и М. Халле [Chomsky, Halle 1968], причем объяснению того, как устроены эти правила, и их изложению на примере испанского языка посвящено всего лишь четыре страницы книги (т. 3, с. 269—272). К сожалению, И. Мельчук и Я. Миличевич не рассматривают другие существующие (и более популярные в наши дни) теории, хотя во введении к книге IV и упоминаются естественная фонология, метрическая фонология, автосегментная фонология и т. д. Возможно, переходы от одного уровня представления к другому в духе популярной сегодня теории оптимальности и не вписываются в общий формат лингвистических правил, задаваемый в книге (т. 1, с. 66), однако фонологический раздел в имеющемся виде все равно оставляет желать лучшего.

Итак, читатель имеет дело с компендиумом, обобщающим воззрения сторонников МСТ (в первую очередь И. Мельчука) на устройство языка. Можно спорить с этими воззрениями или игнорировать их, ориентируясь на более модные в современном мире теории (хотя развитие МСТ продолжается и сейчас: ср., например, [Apresjan, Iomdin 2013]) — но нельзя не признать, что мы имеем дело с чрезвычайно строгой и логически выверенной системой взглядов на человеческий язык. Суть МСТ излагается в этом компендиуме весьма ясно и компактно (как ни странно говорить такое про три тома общим объемом более тысячи страниц, но это факт). Книга И. Мельчука и Я. Миличевич несомненно займет важное место в ряду книг по общей лингвистике, и остается только надеяться, что она в ближайшие годы будет переведена на английский и/или русский язык и станет более доступна мировой и российской аудитории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Мельчук 1974 — Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст». М.: Наука, 1974. [Mel'čuk I. A. *Opyt teorii lingvisticheskikh modelei «Smysl ↔ Tekst»* [An attempt at a theory of «Meaning ↔ Text» linguistic models]. Moscow: Nauka, 1974.]
- Мельчук 1997—2006 — Мельчук И. А. Курс общей морфологии. М.: Прогресс, 1997—2006. [Mel'čuk I. A. *Kurs obshchei morfologii* [Course in general morphology]. Moscow: Progress, 1997—2006.]
- Реформатский 1960 — Реформатский А. А. Введение в языковедение. М.: Учпедгиз, 1960. [Reformatskii A. A. *Vvedenie v yazykoznanie* [Introduction to linguistics]. Moscow: Uchpedgiz, 1960.]

- Apresjan, Iomdin 2013 — Apresjan V., Iomdin B. (eds). Meaning–Text Theory: Current developments. *Wiener Slawistischer Almanach*. 2013. Sonderband 85.
- Chomsky, Halle 1968 — Chomsky N., Halle M. *The sound pattern of English*. New York: Harper & Row, 1968.
- Haspelmath 2009 — Haspelmath M. An empirical test of the Agglutination hypothesis. *Universals of language today*. Scalise S., Magni E., Bisetto A. (eds). Dordrecht: Springer science & business media, 2009.
- Mel'čuk 1993—2000 — Mel'čuk I. *Cours de morphologie générale*. Montréal; Paris: Presses de l'Université de Montréal, 1993—2000.

J. N. Adams. Social variation and the Latin language. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 933 p. ISBN 978-0-521-88614-7.

Д. В. Сичинава

Dmitri V. Sitchinava

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, 119019, Россия; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, 101000, Россия
mitrius@gmail.com

Vinogradov Institute of the Russian Language, Russian Academy of Sciences, Moscow, 119019, Russia; National Research University «Higher School of Economics», Moscow, 101000, Russia
mitrius@gmail.com

Автор рецензируемой книги «Социальное варьирование и латинский язык» британский лингвист Дж. Н. Адамс — уникальная фигура среди современных латинистов. Почетный член колледжа All Souls в Оксфорде за десять лет, помимо рецензируемой, выпустил еще две монографии без соавторов: «Двуязычие и латинский язык» [Adams 2003] и «Региональные разновидности латинского языка от 200 года до н. э. до 600 года н. э.» [Adams 2007]. Совокупный объем этих трех работ — две с половиной тысячи страниц. Высокий уровень этих книг уже отмечался многочисленными рецензентами; по-видимому, трилогия Адамса будет наиболее авторитетным («стандартным») изложением соответствующей проблематики на много лет вперед. Все три книги вышли, впрочем, не в Оксфорде, а в «the Other Place», как там говорят — Cambridge University Press.

Как известно, латинский язык точно так же, как большинство языков мира (а особенно обслуживающие столь большие и сложно устроенные общества), был неоднороден социолингвистически. Давно уже известен термин «вульгарная латынь» (*sermo vulgaris*; в отечественной традиции принято чуть более мягкое соответствие — «народная латынь»), ассоциируемый с латинским *vulgus* — простой народ. Согласно традиционной картине, языковые изменения, ведущие от латинского языка к романским, происходили именно в языке простонародья. Социальная и культурная элита использовала более консервативную классическую латынь, и именно этот язык (за небольшими исключениями вроде Плавта или Петрония, где авторы стилизуют речь персонажей-вольноотпущенников или рабов) и отразился в литературных сочинениях, но предком румынского или португальского не стал. Таким образом, римское общество как будто бы было фактически двуязычным, и «народная латынь» якобы представляла собой полностью автономную от языка высших слоев общества языковую систему (так называемая «двухнормная теория»). Существуют многочисленные исследования и грамматики народной латыни, опирающиеся на эпиграфику, другие бытовые тексты (например, помпейские граффити или римские аналоги берестяных грамот — таблички из британской Виндоланды) и литературные сочинения, отражающие речь простого народа, а главное — на реконструкции слабо или вовсе не засвидетельствованных в письменной латыни праформ, выполненные на материале современных романских языков. В целом социолингвистическая информация о мертвом языке, разумеется, ограничена; нам не известно точное социальное происхождение авторов множества текстов,